

Научная статья

УДК 811.581.11:811.161.1

DOI 10.17223/18137083/79/24

Метафорические признаки концептов *РЫБА* / 鱼 в русской и китайской картинах мира на материале словарей

**Мария Сергеевна Берендеева¹
Ло Вэй²**

^{1,2} Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ maria.berendeeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4897-5830>

² 305304381@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-1076-4720>

Аннотация

Объектом данного исследования является ихтиологическая лексика русского и китайского языков, в основе которой лежит яркий образ, метафора. Работа нацелена на определение объема номинативных полей русского и китайского концептов *РЫБА* и 鱼, выявление метафорических лексем-репрезентантов и сопоставительное изучение метафорических моделей, основанных на представлениях о рыбах, в русской и китайской лингвокультурах. Материалом послужили русские и китайские толковые и фразеологические словари. Исследование показало, что в русской и китайской языковых картинах мира присутствуют культурно специфичные метафорические модели с областью-источником «рыба», а также уникальные символические признаки концептов *РЫБА* и 鱼.

Ключевые слова

концепт, метафора, метафорическая модель, зоонимный компонент, ихтионим

Для цитирования

Берендеева М. С., Ло Вэй. Метафорические признаки концептов *РЫБА* / 鱼 в русской и китайской картинах мира на материале словарей // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 338–351. DOI 10.17223/18137083/79/24

Metaphorical features of the concepts *FISH* and 鱼 in Russian and Chinese worldviews on the material of dictionaries

Maria S. Berendeeva¹, Luo Wei²

^{1,2} Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ maria.berendeeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4897-5830>

² 305304381@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-1076-4720>

Abstract

This study focuses on the ichthyological vocabulary of the Russian and Chinese languages, based on a vivid image, a metaphor. The aims were to determine the volume of the nomina-

© Берендеева М. С., Ло Вэй, 2022

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 338–351

Siberian Journal of Philology, 2022, no. 2, pp. 338–351

tive fields of the concepts *FISH* and 鱼, to identify metaphorical lexemes-representatives, and to carry out a comparative study of metaphorical models representing the ideas about fish in Russian and Chinese linguocultures. Russian and Chinese explanatory and phraseological dictionaries served as the material. In both languages, metaphors with the target area “fish” have been found to be constructed in the same way and to be based on the likeness of a fish to a person, an animal, or an instrument in terms of external similarity. However, each linguo-culture has culturally specific metaphorical models with source area “fish” and unique symbolic features of the concepts *FISH* and 鱼. For example, the Russian linguistic picture of the world involves a productive metaphorical model revealing the likeness of a person to a fish, originating from the negatively assessed external similarity. The Chinese linguistic picture of the world proved to have a model showing the likeness of a country or army to a fish organism according to an internal structure. In addition, many symbolic features reflected in dictionaries have been found in the structure of the Chinese concept 鱼, with those features drawing on both historical and contemporary ideas.

Keywords

concept, metaphor, metaphorical model, zoonymous component, ichthyonym

For citation

Berendeeva M. S., Luo Wei. Metaphorical features of the concepts *FISH* and 鱼 in Russian and Chinese worldviews on the material of dictionaries. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 2, pp. 338–351. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/79/24

В лингвистике ихтионимы не раз становились объектом исследования. Так, например, в работе Н. А. Скитиной проанализированы фразеологизмы и паремии, в составе которых есть слово «рыба», описаны некоторые мифические, культурные, религиозные представления о рыбах (на примере единиц «белуга» и «рыбакит»), о символике рыбы в христианстве [Скитина, 2016, с. 158]. Работа О. В. Дехнич [2010] посвящена метафорическим наименованиям морских рыб бассейна Красного моря. Однако в лингвистических работах вопрос о метафорических признаках концепта *РЫБА* ранее не рассматривался комплексно.

Лексические единицы с зоонимным компонентом широко представлены во многих языках. Зоометафора является одним из основополагающих способов хранения и передачи национально-культурных кодов, а единицы со стержневым компонентом *рыба* / 鱼 являются частью зоонимической фразеологической картины мира. Несмотря на огромное количество исследований, посвященных различным аспектам зооморфной метафоры, ее частная разновидность, которую можно назвать ихтиоморфной, остается практически не изученной: метафоризации через образ рыб или морских животных посвящены только единичные работы лингвистов [Там же, с. 116].

По мнению В. В. Усачёвой, «в народной ихтионимии часто присутствует элемент метафоры, художественного образа, субъективной оценки реалии» [2003, с. 107]. Задача данной работы заключается в установлении моделей метафорических единиц с зоонимным компонентом *рыба* / 鱼 в русском и китайском языках и их последующее сравнительно-сопоставительное описание.

В качестве материала исследования выбраны следующие словари: «Большой толковый словарь» С. А. Кузнецова, «Фразеологический словарь русского литературного языка» А. И. Фёдорова, «Современный китайский словарь» Института языков Китайской академии наук.

Методом сплошной выборки из словарей было получено 336 русских слов и фразеологизмов, репрезентирующих концепт *РЫБА*, и 309 китайских слов

и фразеологизмов, репрезентирующих концепт 鱼. Систематизация номинативных полей концептов РЫБА и 鱼 показала, что русский и китайский концепты представлены единицами нескольких тематических групп, связанных с видами рыб (*акула, камбала, 鲈* ‘лещ’, *鲫* ‘карась’) и приготовленной из рыбы пищи (*балык, визига*), с рыболовным снаряжением и снастями (*бродни, бахилы, 渔钩* ‘рыболовный крючок’, *渔叉* ‘гарпун’), частями тела рыбы (*головизна, чешуя, 鳔* ‘плавательный пузырь’, *鳍* ‘плавник’) и т. п. С метафорическими признаками концепта РЫБА / 鱼 связаны 94 единицы из русской выборки и 52 единицы из китайской выборки.

Семантический анализ лексем-репрезентантов показывает, что в структуре как русского концепта РЫБА, так и китайского концепта 鱼 ключевыми являются когнитивные признаки образного характера. И. А. Стернин, М. Я. Розенфельд, рассматривая образ как структурный элемент концепта, выделяют различные виды образных компонентов, изучаемые лингвистами в рамках концептуальных исследований (образ-факт, образные пропозиции, образы-прототипы, первичные и вторичные перцептивные образы и т. п.) [Стернин, Розенфельд, 2008, с. 186–202]. Так, в структуре концепта РЫБА / 鱼 на основе анализа его лексикографической репрезентации можно выявить как первичные, так и вторичные перцептивные образные признаки.

Первичные образы, сформированные «в сознании носителя языка в результате отражения им окружающей действительности при помощи органов чувств» [Там же, с. 191], представлены в русской картине мира незначительным количеством когнитивных признаков:

- ‘цвет рыбы’ (например, *карась – пресноводная рыба сем. карповых, с красноватыми плавниками*);
- ‘температура тела’ (признак ‘холодная’ имплицитно представлен в толковании *рыба – водное позвоночное животное с непостоянной температурой тела, дышащее жабрами и имеющее плавники*).

В китайской картине мира первичные образные признаки концепта 鱼 сформированы сходным образом. Так, в отдельных словарных толкованиях энциклопедического типа эксплицированы семы цвета, например: *头小鳞细, 腹部色白, 体侧扁*. (толстолобик ‘У этой рыбы небольшая голова, тонкая чешуя, белое брюшко и плоские бока’).

Сравнение русского и китайского словарных толкований лексем *рыба / 鱼* показывает, что в китайском толковании признак ‘холодная’ также представлен имплицитно (‘хладнокровность’): *鱼yú 脊椎动物的一类, 生活在水中, 一般有鳞和鳍, 用鳃呼吸, 冷血* (‘Тип позвоночных, которые живут в воде, обычно имеют чешую и плавники, дышат жабрами и хладнокровны’).

Общими для русского и китайского толкований оказываются понятийные когнитивные признаки ‘позвоночное животное’, ‘живет в воде’, ‘дышит жабрами’, ‘имеет плавники’, ‘хладнокровное (непостоянная температура тела)’. Китайское толкование репрезентирует также понятийный признак ‘имеет чешую’, не представленный в русском толковании.

Принципиально значимыми для формирования концепта и отражающими национальную специфику ментальных процессов русских и китайцев являются вторичные перцептивные образные признаки – «образы, формирующиеся на основе переосмысления первичных образов при познании других предметов и явлений»

[Стернин, Розенфельд, 2008, с. 191]. Вторичные образы в пространстве концепта представляют собой результат метафоризации, переосмысления на основе сходства явлений. Следуя за М. В. Пименовой, мы далее понимаем под образными признаками концепта «признаки, служащие образованию концептуальных метафор» [Пименова, Кондратьева, 2011, с. 118]. При описании образных когнитивных признаков концептов *РЫБА* / 鱼 мы ориентируемся на теорию концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [2004], развитую А. П. Чудиновым в исследованиях политической метафоры [Чудинов, 2001; Будаев, Чудинов, 2006].

Для сопоставления метафорических (образных, или вторичных перцептивных) когнитивных признаков русского концепта *РЫБА* и китайского концепта 鱼 определим основные модели, в соответствии с которыми происходит метафоризация отдельных фрагментов концептов.

Сфера представлений о рыбах может являться как областью-источником (исходным фрагментом картины мира, источником наименования и образцов для сравнения при метафоризации), так и областью-целью (новым фрагментом картины мира, подлежащим сравнению с источником при метафоризации). Оба направления метафоризации позволяют получить представления о культурной специфике восприятия рыб и сферы рыбалки, рыбной промышленности и т. п., поэтому в рамках данного исследования рассмотрены метафоры с представлениями о рыбах в качестве области-источника и области-цели.

Концептуальные метафоры, в которых представления о рыбах являются областью-целью метафоризации, имеют более простую организацию и преимущественно репрезентируются в номинациях биологических видов рыб. Номинации образованы по следующей схеме: какой-то из внешних признаков конкретного вида рыб выделяется носителем языка в качестве основного, наиболее яркого, формирующего представление о рыбе, в результате чего рыба уподобляется какому-либо другому организму или предмету на основании внешнего сходства и получает соответствующее наименование. В данной группе метафорических единиц представлено большое количество сложных слов, образованных по модели сложения лексемы «рыба» с лексемой, называющей источник метафоры (*меч-рыба*, *ёж-рыба* и т. п.), а также синлексемы (*морской конёк*).

Среди единиц этой группы, репрезентирующих концепт *РЫБА*, реализованы следующие основные метафорические модели.

1. **РЫБА – ЭТО ЗВЕРЬ**. Нетипичный вариант зооморфной метафоры, представляющий уподобление одного животного другому на основании внешнего сходства, реализован лексемой *ёж-рыба* – ‘крупная морская рыба отряда иглобрюхообразных с шарообразным телом и острыми подвижными шипами’¹. Аналогичная модель репрезентирована синлексемой *морской конёк* (часть тела рыбы уподобляется части тела лошади на основании сходства формы).

2. **РЫБА – ЭТО ИНСТРУМЕНТ**. Эта метафорическая модель представляет собой типичный для русской картины мира вариант артефактной метафоры, при котором животное (в данном случае рыба) уподобляется предмету (инструменту человеческой деятельности) на основании внешнего сходства какой-то части тела рыбы с указанным предметом. Для единиц, репрезентирующих эту модель, характерно образование путем словосложения (*меч-рыба*, *игла-рыба*, *молот-рыба*).

---

¹ Толкования лексем приводятся по «Большому толковому словарю русского языка» С. А. Кузнецова, если не указан другой источник.

В китайской картине мира эту модель репрезентирует пример 秋刀鱼 (рыба-нож осенью 'сайра'). Данная рыба получила название из-за стройной формы ее тела, подобной ножу, и осеннего сезона выращивания.

3. РЫБА – ЭТО ЧЕЛОВЕК. Данная модель представляет собой вариант антропоморфной метафоры, при котором рыба по признаку внешнего вида уподобляется человеку. Наиболее ярким примером является лексема *звездочёт*:

Звездочёт – 1. Устар. Предсказатель, гадающий по звёздам; астролог.

2. Небольшая хищная морская рыба отряда окунеобразных, глаза которой расположены в верхней части головы.

ЛСВ-1 лексема *звездочёт* имеет прямое первичное значение и называет человека определенной сферы деятельности (астролог), а ЛСВ-2 имеет переносное вторичное значение, образованное путем метафорического переноса: рыба, глаза которой «смотрят» вверх, на небо, уподобляется человеку, который за счет рода своей деятельности также часто смотрит на небо.

По аналогичной модели сформирована китайская лексема 娃娃鱼 (ребенок 'гигантская саламандра'): рыба, называемая так, похожа на маленького ребенка по признаку сходства внешнего вида.

Концептуальные метафоры, в которых представления о рыбах являются областью-источником метафоризации, т. е. собственно ихтиоморфные метафоры, более многочисленны и разнообразны, имеют сложную организацию и различные способы репрезентации. Кроме того, именно такой ход метафоризации наиболее ярко отражает национальную специфику ментальных процессов. Модели с зоонимным компонентом «рыба» в большинстве случаев являются вариантом исходной метафорической модели ЧЕЛОВЕК – ЭТО ЖИВОТНОЕ, отражающей общую структуру зооморфной метафоры, т. е. метафоры со сферой-целью ЧЕЛОВЕК, основанной на уподоблении человека, его внешности, поведения, свойств человеческого мира и общества людей царству животных или отдельным его аспектам. А. П. Чудинов, характеризуя зооморфную метафору на примере политического дискурса, отмечает, что «зооморфные образы – одна из наиболее традиционных понятийных сфер отечественной политической метафоры» [Чудинов, 2001, с. 133].

Основной метафорической моделью, выявленной в нашем исследовании, является модель ЧЕЛОВЕК – ЭТО РЫБА. Представим разновидности метафорических моделей, формирующие переносные значения лексем-репрезентантов концепта РЫБА / 鱼 и фразеологических единиц с компонентом «рыба» / 鱼 через систематизацию относящихся к области-источнику фреймов.

1. Фрейм «поведение рыбы» реализуется в такой разновидности основной модели, как ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА – ЭТО ПОВЕДЕНИЕ РЫБЫ. Рассмотрим некоторые характерные примеры.

В русской языковой картине мира представления о поведении хищных рыб по отношению к другим рыбам, находящимся с ними в одном водоеме, являются основой для формирования метафорических представлений о поведении человека, ведущего себя агрессивно по отношению к другим людям в коллективе, поэтому номинации широко известных хищных рыб и морских животных могут формировать переносные значения для номинации людей. Так, лексема *акула* в публицистических контекстах развивает переносное значение, связанное с «хищным» поведением человека: 'о том, кто действует хищно и беззастенчиво'.

Аналогично формируется переносное значение лексемы *щука*, не отмеченное в «Большом толковом словаре русского языка», но фигурирующее в контекстах. Представление о хищном поведении щуки также лежит в основе фразеологизма *пустить щуку в реку*, который репрезентирует представления о человеческом обществе как о водоеме с рыбами: река представляет собой образ места обитания человека, щука – образ хищного человека, способного на беспрепятственное совершение дурных поступков по отношению к другим (мелкие рыбы, поедаемые щукой в реке).

Лексема *вьюн* (ЛСВ-1 ‘пресноводная, очень подвижная рыбка с удлинённым червеобразным телом, покрытым мелкой чешуей’) имеет два переносных метафорических значения: ‘о юрком, вертлявом человеке, непоседе’ (ЛСВ-3) и ‘о ловком, пронырливом человеке’ (ЛСВ-4). ЛСВ-3 и ЛСВ-4 лексемы *вьюн* представляют собой результат метафорического переноса, в процессе которого поведение человека уподобляется поведению рыбы: ЛСВ-3 подчеркивает сходство внешней стороны (движения человека похожи на движения рыбы), а ЛСВ-4 – сходство стратегии поведения (человек хитрый и ловкий, как быстро и легко уплывающая рыба).

Метафорическое уподобление поведения человека поведению вьюна лежит также в основе многозначного фразеологического оборота *витья* (*вертеться* и т. п.) *вьюном*, как *вьюн*, первое значение которого (‘находиться в непрерывном движении’) связано с общим сходством движений, а второе и третье (‘увиваться, угодливо ухаживать’ и ‘приспосабливаться к обстоятельствам, выкручиваться, ловчить’) – со сходством стратегий поведения.

Пример реализации метафоры, основанной на фрейме «поведение рыбы» представляет собой китайская лексема 鰥鱼, имеющая три ЛСВ. В прямом значении 鰥鱼 является номинацией вида рыбы, глаза которой никогда не закрываются, а переносный ЛСВ-2 становится номинацией грустного человека, который не может спать, на основе сходства внешнего вида и поведения (не закрывает глаза).

2. Фрейм «характер рыбы» представлен в такой разновидности основной модели, как ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕКА – ЭТО ХАРАКТЕР РЫБЫ.

Эта модель похожа на модель, представленную фреймом «поведение рыбы», но в данном случае метафоризации подвергаются постоянные характеристики человека, а не особенности его поступков и взаимодействия с другими людьми в обществе. Так, лексема *ёриш* имеет в современном русском языке метафорический ЛСВ, характеризующий человека с язвительным, «колочим» характером: ‘неуступчивый, язвительный человек’. Та же модель представлена в метафорических значениях лексем *рыба* (‘о вялом, медлительном или холодном, бесстрастном человеке’) и *рыбий* (‘бесстрастный, холодный’). Так, перцептивный образ рыбы ‘холодная’ стал основой для формирования метафоры человека, имеющего холодный и бесстрастный характер.

3. Фрейм «внешность рыбы» реализуется в модели ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА – ЭТО ВНЕШНОСТЬ РЫБЫ: отдельные свойства внешнего вида человека омысляются на основе сходства с обликом рыбы.

Эта модель является особенно продуктивной в русской лингвокультуре, отметим также, что метафорические ЛСВ, образованные по этой модели, являются экспрессивными с негативными коннотациями (как большинство примеров зооморфных метафор, основанных на сходстве человека с животным). Так, метафорический ЛСВ-2 лексемы *вобла* (бранно ‘о худой некрасивой женщине’) является

результатом осмысления негативно воспринимаемого образа некрасивой женщины.

Аналогичным образом в русской языковой картине мира происходит концептуализация представлений о некрасивой женщине через образы морских и речных животных, например, метафорический ЛСВ лексемы *выдра* (грубо ‘об очень худой (обычно непривлекательной) женщине’).

Существование продуктивной метафорической модели, основанной на сопоставлении худой и непривлекательной женщины с животным, проживающим в воде, указывает на общую тенденцию восприятия рыб и морских животных в русской картине мира как скорее непривлекательных, имеющих нелепый облик за счет вытянутого тела и взаимодействия с водой.

4. Фрейм «части тела рыбы» связан с представлениями об анатомии рыб и с уподоблением человеческого организма или каких-то предметов организму рыбы либо с сопоставлением каких-то частей тела человека с частями тела рыбы по сходству формы или функции.

Характерным примером реализации модели ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА – ЭТО ТЕЛО РЫБЫ в русской языковой картине мира является фразеологизм *брат за жабры* (разг.-сниж. ‘оказывать давление на кого-л., принуждая к чему-л.’), который отражает представление о функции жабр и об их значимости для организма рыбы: человек, не способный спокойно жить из-за оказываемого на него давления, сравнивается с рыбой, не способной дышать жабрами из-за физического воздействия.

К этой модели примыкают также русские и китайские устойчивые выражения, внутренняя форма которых основана на уподоблении одежды человека коже или чешуе рыбы. Так, выражение *на рыбьем меху что-л.* (шутл. ‘о верхней одежде без тёплой подкладки’) основано на уподоблении одежды рыбьей коже, лишенной меха. Данный фразеологизм также репрезентирует свойственное русской картине мира противопоставление рыб и зверей: звери имеют тёплый мех, в отличие от рыб, кожа которых бесполезна. Этот образ бесполезной рыбьей кожи при отсутствующем мехе делает фразеологизм ироничным и придает ему экспрессивность.

В китайской картине мира похожий механизм метафоризации представлен в выражении *白鱼入舟* (*белые рыбы прыгнули в лодку*, ‘символизирует победу в войне’). Данный фразеологизм основан на уподоблении доспехов солдат чешуе рыбы по сходству формы, поэтому *белая рыба* в китайской картине мира используется как метафорическая номинация солдат, а образ запрыгивающих в лодку рыб соотносится с представлением о солдатах, захватывающих врага.

С русским выражением *на рыбьем меху* по общей логике метафоризации сближается китайское выражение *鸡头鱼刺* (*рыбья кость*, используется как метафора легких и не оцененных вещей). В данном случае областью-целью метафоры является не человек или вещи, неразрывно связанные с человеческим телом (одежда), но предметы-артефакты. Основанием метафоризации является представление о ценности вещи: как и в случае с выражением *на рыбьем меху*, вещь, сопоставляемая с частью тела рыбы (рыбья кость), воспринимается как ненужная, не представляющая ценности и не приносящая практической пользы.

Аналогичная схема метафоризации реализована в китайском выражении *鱼目混珠* (*использование рыбьих глаз, чтобы притвориться жемчугом* ‘о притворстве и преподнесении поддельных вещей как настоящих’).

Китайские выражения 鸡头鱼刺 (*рыбья кость*) и 鱼目混珠 (*использование рыбьих глаз, чтобы притвориться жемчугом*) репрезентируют условную модель ВЕЩЬ – ЭТО РЫБА, т. е. метафорически обозначают не человека непосредственно, а сделанную руками человека вещь, выражая при этом невысокий статус рыбы как источника материала в китайской картине мира: кость и глаза рыбы (части тела, не употребляемые в пищу) оцениваются в китайской картине мира как ненужные и бесполезные. Отметим, что русское выражение *на рыбьем меху* указывает на сходный признак, но выражает бесполезность кожи рыбы как материала только в сравнении с мехом зверя.

К группе метафорических моделей, восходящих к сфере-источнику «тело рыбы», примыкает в китайской языковой картине мира национально специфичная метафора СТРАНА – ЭТО РЫБА, реализованная в выражении 鱼烂而亡 (*鱼腐烂从内脏起. 比喻国家因内部祸乱而灭亡* *рыбная гниль начинается с внутренних органов*). Эта метафора представляет собой образ разрушения страны из-за внутренних бедствий, основанием для сравнения страны с организмом рыбы, а частей страны – с внутренними органами рыбы становится сходство внутренней организации: наличие органов внутри живого организма подобно внутренним процессам в государстве, т. е. частям, необходимым для гармоничного функционирования целого. Данное выражение также косвенным образом подчеркивает значимость представлений о рыбах в национальной лингвокультуре, так как именно они послужили сферой-источником для метафоры государства.

К этому фрейму примыкает также сложная метафора ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ – ЭТО РЫБА, представленная в китайском выражении 鱼贯雁行:

鱼贯雁行 (‘двигаться в форме рыбьего хвоста’) (指兵轮行进之队列, 一轮居中为首, 其它轮船按人字形两旁依次排列, 状如鱼尾. 比喻连续而进 ‘Относится к маршевой очереди флота, один корабль по центру, а другие корабли расположены последовательно по обе стороны, как рыбы хвосты. Метафора непрерывного движения флота’).

В основе данного выражения лежит метафорическое представление о том, что расположение военных кораблей подобно строению тела рыбы, а корабли, следующие по сторонам от центрального, повторяют форму хвоста.

Отметим в этой группе метафорических единиц также китайскую лексику 海马体, имеющую сокращенный вариант 海马 и два лексико-семантических варианта: первый ЛСВ является номинацией рыбы (‘морской конек’), а второй представляет собой метафорическое наименование центра памяти человеческого мозга (‘гиппокамп’). В данном случае часть тела человека (отдел мозга) уподобляется рыбе с особой формой тела по признаку сходства формы: 海 ‘море’, 马 ‘конёк’, 体 ‘тело’ (аналогично греческому ἵπποκάπιος ‘морской конек’). В современной культуре Китая данная лексема ассоциируется также с популярной сетью фотографий: название 海马体 (‘гиппокамп’) создает представление о фотографии как о способе ритуализированного сохранения и фильтрации воспоминаний.

5. Фрейм «место обитания рыб» представлен моделью ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО – ЭТО ВОДОЁМ С РЫБАМИ

Этот фрейм в русской языковой картине мира репрезентирует фразеологическая единица *как рыба в воде* (‘непринужденно, свободно’), основанная на представлении о естественной среде обитания рыб: человек, способный ориентиро-

ваться в какой-то ситуации свободно и легко, сопоставляется с рыбой, свободно живущей в воде.

6. Фрейм «ловля рыбы» представлен большим количеством единиц номинативного поля концепта *РЫБА* в русском языке, что свидетельствует о значимости представлений о ловле рыбы в наивной картине мира в качестве источника для вторичной концептуализации различных бытовых ситуаций и сферы человеческих взаимоотношений.

Так, фразеологизм *сматывать удочки, смотать удочки* (прост. экспрес. 'поспешно, торопливо уходить, убираться откуда-либо') основан на метафоризации конкретного действия (быстрый уход) через сферу ловли рыбы.

Фразеологизм *в мутной воде рыбу ловить* ('извлекать выгоду из чужих неурядиц, корыстно пользоваться какими-л. затруднениями') основан на концептуализации представлений о более абстрактном действии, имеющем не физический, а социальный и ментальный характер.

В отличие от примеров *сматывать удочки* и *в мутной воде рыбу ловить*, в которых человек подобен рыбаку, выражение *клевать на крючки (наживку, приманку)*, *клюнуть на крючки (наживку, приманку)* (прост. ирон. 'попадать в трудное, невыгодное положение, прельстившись чем-либо') в своей внутренней форме уподобляет человека, попавшего в сложную ситуацию, рыбе. Образ рыбы, попавшей на крючок, обыгрывается в выражениях *держат на крючке* и *попасться на крючок, соскользнуть с крючка*, так как в них человек в зависимости от ситуации может уподобляться как рыбаку (активное действующее лицо, создающее проблемную ситуацию для другого человека), так и рыбе (пассивный участник, попавший в подстроенную «рыбаком» проблемную ситуацию). Таким образом, в русской языковой картине мира отражено представление о том, что сфера человеческих отношений может осмысляться через представления о ловле рыбы.

В китайской языковой картине мира фрейм «ловля рыбы» представлен малым количеством единиц, отражающих представления о внутреннем мире человека, о сфере целей и помыслов. Так, выражение *放长线, 钓大鱼 (забросить удочку подальше, чтобы поймать рыбу покрупнее* – 'строить планы для больших свершений') в своей внутренней форме показывает сферу ловли рыбы как образ жизненных планов, а через представление о рыбе и процессе ее ловли удочкой показаны цель и средство человеческой деятельности.

7. Фрейм «заготовка рыбы»

Представления о процессе заготовки рыбы в русской картине мира стали источником только одной метафоры – выражения *как сельдей в бочке* ('о скоплении большого количества людей в тесном помещении'). Основанием для сравнения в данном случае стал признак 'большое количество рыб', но образ, ставший внутренней формой фразеологизма, связан не с естественной средой обитания рыб, а с процессом промышленной заготовки.

Отдельно рассмотрим те символические признаки концептов *РЫБА / 鱼*, которые можно восстановить в структуре концептов на основе лексикографических источников. Под символическими признаками концепта, вслед за М. В. Пименовой, мы понимаем признаки, «которые восходят к существующему или утраченному мифу или ритуалу и могут восприниматься в виде метафоры, аллегории или культурного знака» [Пименова, 2011, с. 118], т. е. признаки, которые в современной картине мира примыкают к образным, но в своей основе восходят к комплексу представлений о народных традициях и фольклоре, к мифической картине мира, сложным историко-культурным представлениям и т. п.

Так, лексема *русалка* в русском толковом словаре имеет толкование энциклопедического характера, отсылающее к мифологии и репрезентирующее комплекс представлений о мифическом существе, которое объединяет черты человека и рыбы:

Русалка – в славянской мифологии: существо в образе женщины с длинными распущенными зелёными волосами и рыбьим хвостом, живущее в воде.

Отметим, что мифологические представления о женщине-рыбе не поддерживают сложившийся в русской языковой картине мира образ некрасивой женщины, уподобляемой рыбе, но создают негативное восприятие русалки, так как в славянской мифологии русалка желает зла и может погубить человека.

В структуре китайского концепта 鱼 можно выделить признаки, восходящие как к историческим легендам, так и к представлениям, сформировавшимся в современной картине мира. Приведем толкование лексемы 锦鲤, являющейся номинацией биологического вида карпа, из «现代汉语词典» и «百度百科»²:

锦鲤 (‘Карпы кои, или, как их называют, парчовые карпы, декоративные рыбки, которые выведены из амурского подвида сазана’) 锦鲤本是一种高档观赏鱼, 富有观赏价值, 深受人们喜爱; 现代指一切跟好运相关的事物; 如: 有好运的人, 或可带来好运的事情。2018年9月24日, 支付宝官方微博发布一条名为“祝你成为中国锦鲤”的微博, 吸引300多万次转发, 锦鲤走红网络。(‘Кои – это высококачественная декоративная рыба, имеющая высокую декоративную ценность, ее любят люди; в современном мире относится ко всем вещам, связанным с удачей; например: удачливые люди или вещи, которые могут принести удачу. 24 сентября 2018 года официальный Weibo Alipay разместил на Weibo сообщение под названием «Я желаю вам китайского кои», которое привлекло более 3 миллионов репостов, и кои стали популярными в Интернете’).

Данное толкование энциклопедического характера отмечает популярность парчового карпа в китайском Интернете как причину появления стойкой ассоциации карпа с удачей в современной китайской картине мира. Существующие в китайском фольклоре представления о карпах позволяют выделить два признака, формирующих образ ‘карп кои – везунчик’: 1) у карпов кои долгая продолжительность жизни (до 60–70 лет), за счет чего сформировалась ассоциация с благоприятными условиями жизни карпа; 2) в китайском фольклоре существует легенда о «карпе, перепрыгивающем через ворота дракона»³ (карп, который может перепрыгнуть через водопад Лунмэнь Желтой реки, может превратиться в дракона), а борода карпа олицетворяет мудрость и знания (метафорическое уподобление мудрецу). Таким образом, лексема 锦鲤 репрезентирует сложный комплекс как исторических фольклорных, так и современных представлений, формирующих положительный образ карпа кои.

² <https://baike.baidu.com/item/%E9%94%A6%E9%B2%A4/311179?fr=aladdin>

³ https://www.sohu.com/a/260275370_100157336

К историческим легендам восходит выражение 前庭悬鱼 (*вывесить рыбу во дворе*, ‘отказ от получения преимущества или взяточничества’), приведем толкование из «百度百科»⁴:

前庭悬鱼(东汉时期, 汉灵帝派羊续担任南阳太守。羊续只带一名随从前往, 微服私访后上任。他决心以自己的清廉树立官场榜样, 府丞焦俭送来一条他爱吃的鲜鲤鱼, 推辞不掉, 就只好让仆人将鱼挂在屋外, 晒成鱼干, 从此就没人敢给他送礼了。‘Во времена династии Восточная Хань император Хань Лин послал Ян Сюя служить префектом Наньян. Ян Сюй только собрал свиту и вступил в должность после частного визита. Он был полон решимости показать пример честного чиновничества. Цзяо Цзянь прислал свежего карпа, которого любил Ян Сюй. Ян Сюй не мог отказаться, поэтому ему пришлось позволить своему слуге вывесить рыбу возле дома и высушить, чтобы больше никто не посмел сделать ему подарок’).

Выражение 前庭悬鱼 репрезентирует, таким образом, существующее в китайской картине мира общее негативное отношение к взяточничеству и проявлениям нечестности среди государственных служащих.

К историческим представлениям восходят также выражения 鱼传尺素 и 鸿断鱼沉, приведем ниже толкования из «百度百科»⁵:

鱼传尺素 (‘В древнем Китае люди кладут письма в живот карпа, чтобы передать информацию’); 鸿断鱼沉 (‘письма обрезаны, а новостей нет’)并不是说在活鱼的肚子里塞入书信, 而是说将信放入鱼形的乘信匣中, 古时舟车劳顿, 信件很容易损坏, 古人便将信件放入匣子中, 再将信匣刻成鱼形, 美观而又方便携带 (‘Это не означает, что письма набиваются в брюхо живой рыбы, это означает, что письма кладут в почтовый ящик в форме рыбы. В древние времена письма легко повреждались. Древние люди складывали письма в коробки. Коробки были вырезаны в форме рыбы, потому что эта форма красивая и удобная для переноски’).

Приведенные выражения показывают формирование в китайской картине мира ассоциативной цепочки ‘рыба – письмо – информация’, основанной на целом комплексе когнитивных процессов: коробка, уподобляемая рыбе по сходству формы, начинает ассоциироваться с находящимся внутри письмом (а затем и с процессом передачи информации в целом) по принципу смежности вместилища и содержимого.

Некоторые китайские фразеологические единицы репрезентируют также связь представлений о рыбе с образом бедности и несчастной судьбы:

鱼肉百姓 (*В древнем Китае лучше всего была баранина, потом следовала свинина, а хуже всего – рыба. Так что используйте рыбу как метафору для жизни обычных людей* ‘метафора использования насилия и запугивания, произвольных попыток невинных людей’ (из толкования словаря 百度百科⁶); 城门失火 殃及池鱼 (*Когда загорелись городские ворота, все*

⁴ <https://baike.baidu.com/item/%E5%89%8D%E5%BA%AD%E6%82%AC%E9%B1%BC/2072535?fr=aladdin>

⁵ <https://baike.baidu.com/item/%E9%B1%BC%E4%BC%A0%E5%B0%BA%E7%B4%A0>

⁶ <https://baike.baidu.com/item/%E9%B1%BC%E8%82%89%E7%99%BE%E5%A7%93>

пошли ко рву за водой, а когда закончилась вода, рыба погибла ‘чужая беда косвенно распространяется на кого-то, метафора потери или вреда из-за чьего-то участия’).

Данные выражения отражают исторические представления о месте рыб в китайской картине мира, а также об условиях жизни рыб: рыбы занимают низшую ступень в иерархии животных по пищевой и промысловой ценности, поэтому являются пищей бедных людей, а жизнь рыб слишком зависима от воды, которую потребляют простые люди.

На основе сопоставления образных и символических признаков концептов *РЫБА* / 鱼 в русской и китайской картинах мира можно сделать следующие основные выводы.

1. Представления о рыбах и связанной с рыбами деятельности человека (ловля, заготовка рыбы) формируют значимую часть картины мира как в русской, так и в китайской лингвокультуре, так как ихтиоморфная метафора используется для концептуализации представлений о важных сферах человеческой жизни (внешность, внутренние качества, отношения между людьми и т. п.).

2. В структуре русского концепта *РЫБА* и китайского концепта 鱼 представлен сходный набор ядерных понятийных признаков, репрезентированных в словарных толкованиях имени концепта, и базовых первичных образов (‘цвет рыбы’, ‘рыба холодная’), но вторичные образные признаки, сформированные концептуальной метафорой, отличаются и репрезентируют культурно специфичные представления.

3. Номинативные поля концептов *РЫБА* и 鱼 представлены в толковых словарях соотносимым количеством единиц (336 и 309 соответственно), среди которых много единиц метафорической природы (94 и 52 соответственно), что свидетельствует об активности процессов метафоризации в данной сфере.

4. И в русской, и в китайской картине мира представления о рыбах могут быть как источником, так и целью при концептуальной метафоризации, но метафорические модели с областью-источником являются универсальными, в то время как модели с областью-целью отличаются в русской и китайской картинах мира.

5. Метафорическая модель «внешность человека – это внешность рыбы» является одной из самых продуктивных среди русских моделей, но вообще не представлена в китайском материале, что можно связать с общей продуктивностью образного эмоционального уподобления человека животному по признаку внешнего сходства в русской картине мира.

6. Образные признаки концепта 鱼, связанные с уподоблением государства или армии телу рыбы (модели «страна – это рыба» и «военно-морской флот – это рыба») по признаку сходства внутреннего строения, есть в китайской картине мира, но отсутствуют в русской.

7. Некоторые фреймы формируют концептуальные метафоры как в русской, так и в китайской картине мира, но основания сравнения имеют культурную специфику: так, представления о ловле рыбы в русской картине мира становятся основанием для концептуализации социальных отношений, а в китайской – сферы внутренних стремлений, целеполагания.

8. Символические признаки концептов *РЫБА* / 鱼 имеют ярко выраженную культурную специфику, так как связаны с национальными традициями, фольклором и историей. Так, толкование лексемы *русалка* отсылает к славянской мифологии. В структуре китайского концепта 鱼 можно выявить большее количество

признаков символического характера ('рыба как символ бедной судьбы', 'карп как символ удачи' и т. п.), связанных не только с историей и фольклором, но и с современными представлениями.

Список литературы

- Будаев Э. В., Чудинов А. П. *Метафора в политическом интердискурсе: Монография*. Екатеринбург, Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2006. 215 с.
- Дехнич О. В. *Метафорическое обоснование ихтионимов (на материале русского и английского языков)* // Мова. 2010. № 15. С. 116–119
- Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. М. Баранова*. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
- Пименова М. В., Кондратьева О. Н. *Концептуальные исследования. Введение: Учеб. пособие*. М.: Флинта: Наука, 2011. 176 с.
- Скитина Н. А. *Лингвокогнитивный анализ концепта «рыба» во фразеологическом фонде русского и английского языков* // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Лингвистика. 2016. № 4. С. 158–165.
- Стернин И. А., Розенфельд М. Я. *Слово и образ: Монография / Под ред. И. А. Стернина*. Воронеж: Истоки, 2008. 243 с.
- Усачёва В. В. *Славянская ихтиологическая терминология. Принципы и способы номинации. Обратный словарь*. М., 2003. 352 с.
- Чудинов А. П. *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): Монография*. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2001. 238 с.

Список источников

- Кузнецов С. А. *Большой толковый словарь русского языка*. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
- Фёдоров А. И. *Фразеологический словарь русского литературного языка*. М.: Астрель, 2007. 881 с.
- Ждонгуо Шэхуэй Кэсюэюань Юянь Яньцзюсюо Цидянь Бианьдиши. *Сяньдай Ханью Цидянь* [中国社会科学院语言研究所词典编辑室。现代汉语词典//商务印书馆 (北京)]. *Современный китайский словарь*. Пекин: Коммерческое изд-во, 2016. 1897 с. (на кит. яз.)

References

- Budaev E. V., Chudinov A. P. *Metafora v politicheskom interdiskurse: Monografiya* [Metaphor in political interdiscourse: Monograph]. Ekaterinburg, USPU Publ. house, 2006, 215 p.
- Chudinov A. P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoj metaforj (1991–2000)* [Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg, USPU Publ. house, 2001, 238 p.
- Dekhnich O. V. *Metaforicheskoe obosnovanie ikhtionimov (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov)* [Metaphorical substantiation of ichthyonyms (based on the material of Russian and English)]. *Mova*. 2010, no. 15, pp. 116–119.

Lakoff George. Johnson M. *Metaforы, kotorymi my zhivem: Per. s angl.* [Metaphors we live by: Transl. from English]. A. M. Baranova (Prep., pref.). Moscow, Editorial URSS, 2004, 256 p.

Pimenova M. V., Kondrat'eva O. N. *Kontseptual'nye issledovaniya. Vvedenie: Ucheb. posobie* [Conceptual research. Introduction: Textbook]. Moscow, Flinta, Nauka, 2011, 176 p.

Skitina N. A. Lingvokognitivnyy analiz kontsepta "ryba" vo frazeologicheskom fonde russkogo i angliiskogo yazykov [Linguo-cognitive analysis of the concept "fish" in the phraseological fund of the Russian and English]. *Bulletin of Moscow Region State University. Linguistics*. 2016, no. 4, pp. 158–165.

Sternin I. A., Rozenfel'd M. Ya. *Slovo i obraz: Monografiya* [Word and image: Monograph]. I. A. Sternin (Ed.). Voronezh, Istoki, 2008, 243 p.

Usacheva V. V. *Slavyanskaya ikhtiologicheskaya terminologiya. Printsipy i sposoby nominatsii. Obratnyy slovar'* [Slavic ichthyological terminology. Principles and methods of nomination. Reverse dictionary]. Moscow, 2003, 352 p.

List of sources

Fedorov A. I. *Frazeologicheskiy slova' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Moscow, Astrel', 2007, 881 p.

Kuznetsov S. A. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great explanatory dictionary of Russian language]. St. Petersburg, Norint, 1998, 1536 p.

现代汉语词典 [Modern Chinese dictionary]. Beijing, Commercial Publishing House, 2016, 1897 p. (in Chin.)

Информация об авторах

Мария Сергеевна Берендеева, кандидат филологических наук
Ло Вэй, аспирант

Information about the authors

Maria S. Berendeeva, Candidate of Philology
Luo Wei, PhD Student

*Статья поступила в редакцию 30.08.2021;
одобрена после рецензирования 27.10.2021; принята к публикации 27.10.2021
The article was submitted 30.08.2021;
approved after reviewing 27.10.2021; accepted for publication 27.10.2021*